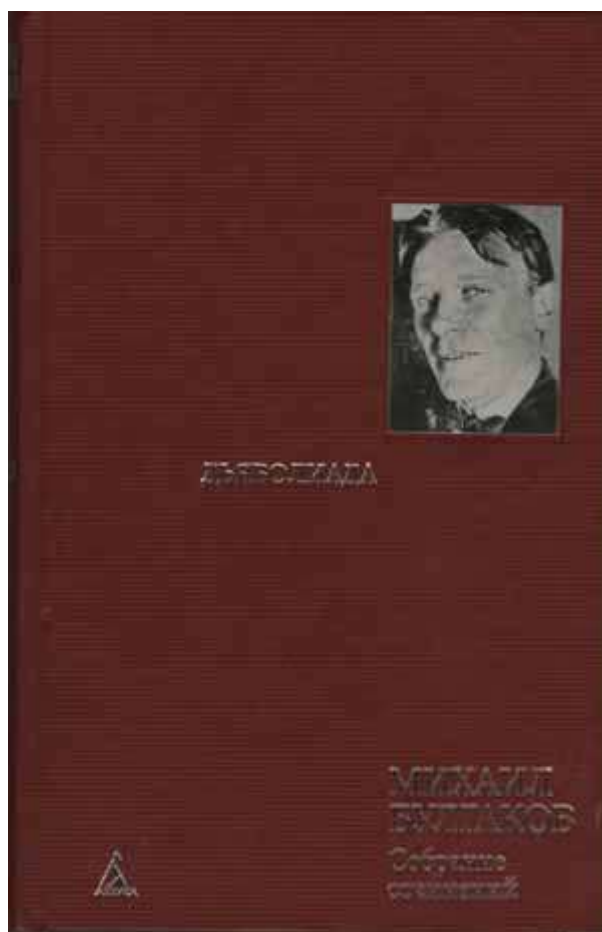

Михаил Афанасьевич Булгаков Дьяволиада

*«Т. 3: Дьяволиада: повести, рассказы и фельетоны 20-х годов»: Азбука-классика; СПб; 2002
ISBN 5-352-00139-3; 5-352-00142-2 (т. 3)*

Михаил Афанасьевич Булгаков
ДЬЯВОЛИАДА
Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя

I. ПРОИСШЕСТВИЕ 20-го ЧИСЛА

В то время, как все люди скакали с одной службы на другую, товарищ Коротков прочно служил в Главцентрбазспимате (Главная Центральная База Спичечных Материалов) на штатной должности делопроизводителя и прослужил в ней целых одиннадцать месяцев.

Пригревшись в Спимате, нежный, тихий блондин Коротков совершенно вытравил у себя в душе мысль, что существуют на свете так называемые превратности судьбы, и привил взамен нее уверенность, что он – Коротков – будет служить в базе до окончания жизни на земном шаре. Но, увы, вышло совсем не так...

20 сентября 1921 года кассир Спимата накрылся своей противной ушастой шапкой, уложил в портфель полосатую ассигновку и уехал. Это было в одиннадцать часов пополудни.

Вернулся же кассир в четыре с половиной часа пополудни, совершенно мокрый. Приехав, он стряхнул с шапки воду, положил шапку на стол, а на шапку – портфель и сказал:

– Не напирайте, господа.

Потом пошарил зачем-то в столе, вышел из комнаты и вернулся через четверть часа с большой мертвой курицей со свернутой шеей. Курицу он положил на портфель, на курицу – свою правую руку и молвил:

– Денег не будет.

– Завтра? – хором закричали женщины.

– Нет, – кассир замотал головой, – и завтра не будет, и послезавтра. Не налезайте, господа, а то вы мне, товарищи, стол опрокинете.

– Как? – вскричали все, и в том числе наивный Коротков.

– Граждане! – плачущим голосом запел кассир и локтем отмахнулся от Короткова. – Я же прошу!

– Да как же? – кричали все и громче всех этот комик Коротков.

– Ну, пожалуйста, – сипло пробормотал кассир и, вытащив из портфеля ассигновку, показал ее Короткову.

Над тем местом, куда тыкал грязный ноготь кассира, наискось было написано красными чернилами:

«Выдать. За т. Субботникова – Сенат».

Ниже фиолетовыми чернилами было написано:

«Денег нет. За т. Иванова – Смирнов».

– Как? – крикнул один Коротков, а остальные, пыхтя, навалились на кассира.

– Ах ты, Господи! – растерянно заныл тот. – При чем я тут? Боже ты мой!

Торопливо засунув ассигновку в портфель, он накрылся шапкой, портфель сунул под мышку, взмахнул курицей, крикнул: «Пропустите, пожалуйста!» – и, проломив брешь в живой стене, исчез в дверях.

За ним с писком побежала бледная регистраторша на высоких заостренных каблуках, левый каблук у самых дверей с хрустом отвалился, регистраторша качнулась, подняла ногу и сняла туфлю.

И в комнате осталась она, босая на одну ногу, и все остальные, в том числе и Коротков.

II. ПРОДУКТЫ ПРОИЗВОДСТВА

Через три дня после описанного события дверь отдельной комнаты, где занимался товарищ Коротков, приоткрылась, и женская заплаканная голова злобно сказала:

– Товарищ Коротков, идите жалованье получать.

– Как? – радостно воскликнул Коротков и, насвистывая увертюру из «Кармен»¹, побежал в комнату с надписью: «Касса». У кассирского стола он остановился и широко открыл рот. Две толстые колонны, состоящие из желтых пачек, возвышались до самого потолка. Чтобы не отвечать ни на какие вопросы, потный и взволнованный кассир кнопкой пришил к стене ассигновку, на которой теперь имелась третья надпись зелеными чернилами:

**«Выдать продуктами производства.
За т. Богоявленского – Преображенский.
И я полагаю. – Кшесинский».**

Коротков вышел от кассира, широко и глупо улыбаясь. В руках у него было четыре больших желтых пачки, пять маленьких зеленых, а в карманах тринадцать синих коробок спичек. У себя в комнате, прислушиваясь к гулу изумленных голосов в канцелярии, он упаковал спички в два огромных листа сегодняшней газеты и, не сказавшись никому, отбыл со службы домой. У подъезда Спимата он чуть не попал под автомобиль, в котором кто-то подъехал, но кто именно, Коротков не разглядел.

Прибыв домой, он выложил спички на стол и, отойдя, полюбовался на них. Глупая улыбка не сходила с его лица. Затем Коротков взъерошил белокурые волосы и сказал самому себе:

– Ну-с, унывать тут долго нечего. Постараемся их продать.

Он постучался к соседке своей, Александре Федоровне, служащей в губвинскладе.

– Войдите, – глухо отозвалось в комнате.

Коротков вошел и изумился. Преждевременнo вернувшаяся со службы Александра Федоровна в пальто и шапочке сидела на корточках на полу. Перед нею стоял строй бутылок с пробками из газетной бумаги, наполненных жидкостью густого красного цвета. Лицо у Александры Федоровны было заплакано.

– Сорок шесть, – сказала она и повернулась к Короткову.

– Это чернила?... Здравствуйте, Александра Федоровна, – вымолвил пораженный Коротков.

– Церковное вино, – всхлипнув, ответила соседка.

– Как, и вам? – ахнул Коротков.

– И вам церковное? – изумилась Александра Федоровна.

– Нам – спички, – угасшим голосом ответил Коротков и закрутил пуговицу на пиджаке.

– Да ведь они же не горят! – вскричала Александра Федоровна, поднимаясь и отряхивая юбку.

– Как это так, не горят? – испугался Коротков и бросился к себе в комнату. Там, не теряя ни минуты, он схватил коробку, с треском распечатал ее и чиркнул спичкой. Она с шипеньем вспыхнула зеленоватым огнем, переломилась и погасла. Коротков, задохнувшись от едкого серного запаха, болезненно закашлялся и зажег вторую. Та выстрелила, и два огня брызнули от нее. Первый попал в оконное стекло, а второй – в левый глаз товарища Короткова.

– А-ах! – крикнул Коротков и выронил коробку.

Несколько мгновений он перебирал ногами, как горячая лошадь, и зажимал глаз ладонью. Затем с ужасом заглянул в бритвенное зеркальце, уверенный, что лишился глаза. Но глаз оказался на месте. Правда, он был красен и источал слезы.

– Ах, Боже мой! – расстроился Коротков, немедленно достал из комода американский индивидуальный пакет, вскрыл его, обвязал левую половину головы и стал похож на раненного в бою.

Всю ночь Коротков не гасил огня и лежал, чиркая спичками. Вычиркал он таким образом

¹...насвистывая увертюру из «Кармен»... – «Кармен» – любимейшая опера М. Булгакова. Написана французским композитором Ж. Бизе (1838-1875) в 1874 г.

три коробки, причем ему удалось зажечь шестьдесят три спички.

– Врет, дура, – ворчал Коротков, – прекрасные спички.

Под утро комната наполнилась удушливым серным запахом. На рассвете Коротков уснул и увидел дурацкий, страшный сон: будто бы на зеленом лугу очутился перед ним огромный, живой бильярдный шар на ножках. Это было так скверно, что Коротков закричал и проснулся. В мутной мгле еще секунд пять ему мерещилось, что шар тут, возле постели, и очень сильно пахнет серой. Но потом все это пропало; поворочавшись, Коротков заснул и уже не просыпался.

III. ЛЫСЫЙ ПОЯВИЛСЯ

На следующее утро Коротков, сдвинув повязку, убедился, что глаз его почти выздоровел. Тем не менее повязку излишне осторожный Коротков решил пока не снимать.

Явившись на службу с крупным опозданием, хитрый Коротков, чтобы не возбуждать кривотолков среди низших служащих, прямо прошел к себе в комнату и на столе нашел бумагу, в коей заведующий подотделом укомплектования запрашивал заведующего базой, – будет ли выдано машинисткам обмундирование. Прочитав бумагу правым глазом, Коротков взял ее и отправился по коридору к кабинету заведующего базой т. Чекушина.

И вот у самых дверей в кабинет Коротков столкнулся с неизвестным, поразившим его своим видом.

Этот неизвестный был настолько маленького роста, что достигал высокому Короткову только до талии. Недостаток роста искупался чрезвычайной шириной плеч неизвестного. Квадратное туловище сидело на искривленных ногах, причем левая была хромая. Но примечательнее всего была голова. Она представляла собою точную гигантскую модель яйца, насаженного на шею горизонтально и острым концом вперед. Лысой она была тоже, как яйцо, и настолько блестящей, что на темени у неизвестного, не угасая, горели электрические лампочки. Крохотное лицо неизвестного было выбрито до синевы, и зеленые маленькие, как булабочные головки, глаза сидели в глубоких впадинах. Тело неизвестного было облечено в расстегнутый, сшитый из серого одеяла френч, из-под которого выглядывала малороссийская вышитая рубашка, ноги в штанах из такого же материала и низеньких с вырезом сапожках гусара времен Александра I.

«Т-типик», – подумал Коротков и устремился к двери Чекушина, стараясь миновать лысого. Но тот совершенно неожиданно загородил Короткову дорогу.

– Что вам надо? – спросил лысый Короткова таким голосом, что нервный делопроизводитель вздрогнул. Этот голос был совершенно похож на голос медного таза и отличался таким тембром, что у каждого, кто его слышал, при каждом слове происходило вдоль позвоночника ощущение шершавой проволоки. Кроме того, Короткову показалось, что слова неизвестного пахнут спичками. Несмотря на все это, недальновидный Коротков сделал то, чего делать ни в коем случае не следовало, – обиделся.

– Гм... довольно странно... Я иду с бумагой... А позвольте узнать, кто вы так...

– А вы видите, что на двери написано?

Коротков посмотрел на дверь и увидел давно знакомую надпись: «Без доклада не входить».

– Я и иду с докладом, – сглупил Коротков, указывая на свою бумагу.

Лысый квадратный неожиданно рассердился. Глазки его вспыхнули желтоватыми искорками.

– Вы, товарищ, – сказал он, оглушая Короткова кастрюльными звуками, – настолько неразвиты, что не понимаете значения самых простых служебных надписей. Я положительно удивляюсь, как вы служили до сих пор. Вообще тут у вас много интересного, например, эти подбитые глаза на каждом шагу. Ну, ничего, это мы все приведем в порядок. («А-а!» – ахнул про себя Коротков.) Дайте сюда!

И с последними словами неизвестный вырвал из рук Короткова бумагу, мгновенно прочел ее, вытащил из кармана штанов обгрызанный химический карандаш, приложил бумагу к стене и косо написал несколько слов.

– Ступайте! – рявкнул он и ткнул бумагу Короткову так, что чуть не выколол ему и последний глаз. Дверь в кабинет взвыла и проглотила неизвестного, а Коротков остался в оцепенении: в кабинете Чекушина не было.

Пришел в себя сконфуженный Коротков через полминуты, когда вплотную налетел на Ли-

дочку де Руни, личную секретаршу т. Чекушина.

– А-ах! – ахнул т. Коротков. Глаз у Лидочки был закутан точно таким же индивидуальным материалом с той разницей, что концы бинта были завязаны кокетливым бантом.

– Что это у вас?

– Спички! – раздраженно ответила Лидочка. – Проклятые.

– Кто там такой? – шепотом спросил убитый Коротков.

– Разве вы не знаете? – зашептала Лидочка. – Новый.

– Как? – пискнул Коротков. – А Чекушин?

– Выгнали вчера, – злобно сказала Лидочка и прибавила, ткнув пальчиком по направлению кабинета: – Ну и гу-усь. Вот это фрукт. Такого противного я в жизнь свою не видала. Орет! Уволить!.. Подштанники лысые! – добавила она неожиданно, так что Коротков выпучил на нее глаз.

– Как фа...

Коротков не успел спросить. За дверью кабинета грянул страшный голос: «Курьера!» Делопроизводитель и секретарша мгновенно разлетелись в разные стороны. Прилетев в свою комнату, Коротков сел за стол и произнес сам себе такую речь:

– Аи, яй, яй... Ну, Коротков, ты влопался. Нужно это дельце исправлять... «Неразвиты»... Хм... Нахал... Ладно! Вот ты увидишь, как это так Коротков неразвит.

И одним глазом делопроизводитель прочел писание лысого. На бумаге стояли кривые слова: «Всем машинисткам и женщинам вообще своевременно будут выданы солдатские кальсоны».

– Вот это здорово! – восхищенно воскликнул Коротков и сладострастно дрогнул, представив себе Лидочку в солдатских кальсонах. Он немедленно вытащил чистый лист бумаги и в три минуты сочинил:

«Телефонограмма

Заведующему подотделом укомплектования точка В ответ на отношение ваше за № 0,15 015 (б) от 19-го числа запятая Главспимат сообщает запятая что всем машинисткам и вообще женщинам своевременно будут выданы солдатские кальсоны точка Заведующий тире подпись Делопроизводитель тире Варфоломей Коротков точка».

Он позвонил и явившемуся курьеру Пантелеймону сказал:

– Заведующему на подпись.

Пантелеймон пожевал губами, взял бумагу и вышел.

Четыре часа после этого Коротков прислушивался, не выходя из своей комнаты, в том расчете, чтобы новый заведующий, если вздумает обходить помещение, непременно застал его погруженным в работу. Но никаких звуков из страшного кабинета не доносилось. Раз только долетел смутный чугунный голос, как будто угрожающий кого-то уволить, но кого именно, Коротков не расслышал, хоть и припадал ухом к замочной скважине. В три с половиной часа пополудни за стеной канцелярии раздался голос Пантелеймона:

– Уехали на машине.

Канцелярия тотчас зашумела и разбежалась. Позже всех в одиночестве отбыл домой т. Коротков.

IV. ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ – КОРОТКОВ ВЫЛЕТЕЛ

На следующее утро Коротков с радостью убедился, что глаз его больше не нуждается в лечении повязкой, поэтому он с облегчением сбросил бинт и сразу похорошел и изменился. Напившись чаю на скорую руку, Коротков потушил примус и побежал на службу, стараясь не опоздать, и опоздал на пятьдесят минут из-за того, что трамвай вместо шестого маршрута пошел окружным путем по седьмому, заехал в отдаленные улицы с маленькими домиками и там сломался. Коротков пешком одолел три версты и, запыхавшись, вбежал в канцелярию, как раз когда кухонные часы «Альпийской розы»² пробили одиннадцать раз. В канцелярии его ожидало зрелище совершенно необычайное для одиннадцати часов утра. Лидочка де Руни, Милочка Литовцева, Анна Евграфовна, старший бухгалтер Дрозд³, инструктор Гитис, Номерацкий, Иванов,

²...часы «Альпийской розы»... – Ресторан «Альпийская роза» находился на Софийке (затем Пушечная ул.), д. 4.

³...старший бухгалтер Дрозд... – Далее по тексту он назван Скворцом.

Мушка, регистраторша, кассир – словом, вся канцелярия не сидела на своих местах за кухонными столами бывшего ресторана «Альпийской розы», а стояла, сбившись в тесную кучку, у стены, на которой гвоздем была прибита четвертушка бумаги. При входе Короткова наступило внезапное молчание, и все потупились.

– Здравствуйте, господа, что это такое? – спросил удивленный Короткой.

Толпа молча расступилась, и Коротков прошел к четвертушке. Первые строки глянули на него уверенно и ясно, последние сквозь слезливый, ошеломляющий туман.

ПРИКАЗ № 1

§1. За недопустимо халатное отношение к своим обязанностям, вызывающее вопиющую путаницу в важных служебных бумагах, а ровно и за появление на службе в безобразном виде разбитого, по-видимому, в драке лица, тов. Коротков увольняется с сего 26-го числа, с выдачей ему трамвайных денег по 25-е включительно.

Параграф первый был в то же время и последним, а под параграфом красовалась крупными буквами подпись:

Заведующий Кальсонер

Двадцать секунд в пыльном хрустальном зале «Альпийской розы» царило идеальное молчание. При этом лучше всех, глубже и мертвеннее молчал зеленоватый Коротков. На двадцать первой секунде молчание лопнуло.

– Как? Как? – прозвенел два раза Коротков, совершенно как разбитый о каблук альпийский бокал. – Его фамилия Кальсонер?..

При страшном слове канцелярские брызнули в разные стороны и вмиг расселись по столам, как вороны на телеграфной проволоке. Лицо Короткова сменило гнилую зеленую плесень на пятнистый пурпур.

– Аи, яй, яй, – загудел в отдалении, выглядывая из гроссбуха, Скворец, – как же вы это так, батюшка, промахнулись? А?

– Я ду-думал, думал... – прохрустел осколками голоса Коротков, – прочитал вместо «Кальсонер» – «кальсоны». Он с маленькой буквы пишет фамилию!

– Подштанники я не одену, пусть он успокоится! – хрустально звякнула Лидочка.

– Тсс! – змеей зашипел Скворец. – Что вы? – Он нырнул, спрятался в гроссбухе и прикрылся страницей.

– А насчет лица он не имеет права! – негромко выкрикнул Коротков, становясь из пурпурного белым, как горностаи. – Я нашими же сволочными спичками выжег глаз, как и товарищ де Руни!

– Тише! – пискнул побледневший Гитис. – Что вы? Он вчера испытывал их и нашел превосходными.

Д-р-р-р-р-р-р-р, – неожиданно зазвенел электрический звонок над дверью... и тотчас тяжелое тело Пантелеймона упало с табурета и покатилося по коридору.

– Нет! Я объяснюсь. Я объяснюсь! – высоко и тонко спел Коротков, потом кинулся влево, кинулся вправо, пробежал шагов десять на месте, искаженно отражаясь в пыльных альпийских зеркалах, вынырнул в коридоре и побежал на свет тусклой лампочки, висящей над надписью: «Отдельные кабинеты». Запыхавшись, он стал перед страшной дверью и очнулся в объятиях Пантелеймона.

– Товарищ Пантелеймон, – заговорил беспокойно Коротков. – Ты меня, пожалуйста, пусти. Мне нужно к заведующему сию минутку...

– Нельзя, нельзя, никого не велено пущать, – захрипел Пантелеймон и страшным запахом луку затушил решимость Короткова, – нельзя. Идите, идите, господин Коротков, а то мне через

вас беда будет...

– Пантелеймон, мне же нужно, – угасая, попросил Коротков, – тут, видишь ли, дорогой Пантелеймон, случился приказ... Пустите меня, милый Пантелеймон.

– Ах ты ж, Господи... – в ужасе обернувшись на дверь, забормотал Пантелеймон, – говорю вам, нельзя. Нельзя, товарищ!

В кабинете за дверью грянул телефонный звонок и ухнул в медь тяжкий голос:

– Еду! Сейчас!

Пантелеймон и Коротков расступились: дверь распахнулась, и по коридору понесся Кальсонер в фуражке и с портфелем под мышкой. Пантелеймон впритруску побежал за ним, а за Пантелеймоном, немного поколебавшись, кинулся Коротков. На повороте коридора Коротков, бледный и взволнованный, проскочил под руками Пантелеймона, обогнал Кальсонера и побежал перед ним задом.

– Товарищ Кальсонер, – забормотал он прерывающимся голосом, – позвольте одну минутку сказать... Тут я по поводу приказа...

– Товарищ! – звякнул бешено стремящийся и озабоченный Кальсонер, сметая Короткова в беге. – Вы же видите, я занят? Еду! Еду!..

– Так я насчет прика...

– Неужели вы не видите, что я занят?.. Товарищ! Обратитесь к делопроизводителю.

Кальсонер выбежал в вестибюль, где помещался на площадке огромный брошенный орган «Альпийской розы».

– Я ж делопроизводитель! – в ужасе облившись потом, визгнул Коротков. – Выслушайте меня, товарищ Кальсонер!

– Товарищ! – заревел, как сирена, ничего не слушая, Кальсонер и, на ходу обернувшись к Пантелеймону, крикнул: – Примите меры, чтоб меня не задерживали!

– Товарищ! – испугавшись, захрипел Пантелеймон. – Что ж вы задерживаете?

И не зная, какую меру нужно принять, принял такую: ухватил Короткова поперек туловища и легонько прижал к себе, как любимую женщину. Мера оказалась действительной, – Кальсонер ускользнул, словно на роликах скатился с лестницы и выскочил в парадную дверь.

– Пит! Пит! – закричала за стеклами мотоциклетка, выстрелила пять раз и, закрыв дымом окна, исчезла. Тут только Пантелеймон выпустил Короткова, вытер пот с лица и проревел:

– Бе-да!

– Пантелеймон... – трясущимся голосом спросил Коротков, – куда он поехал? Скорей скажи, он другого, понимаешь ли...

– Кажись, в Центроснаб.

Коротков вихрем сбежал с лестницы, ворвался в шинельную, схватил пальто и кепку и выбежал на улицу.

V. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ФОКУС

Короткову повезло. Трамвай в ту же минуту поравнялся с «Альпийской розой». Удачно прыгнув, Коротков понесся вперед, стучаясь то о тормозное колесо, то о мешки на спинах. Надежда обжигала его сердце. Мотоциклетка почему-то задержалась и теперь тарахтела впереди трамвая, и Коротков то терял из глаз, то вновь обретал квадратную спину в туче синего дыма. Минут пять Короткова колотило и мяло на площадке, наконец у серого здания Центроснаба мотоциклетка стала. Квадратное тело закрылось прохожими и исчезло. Коротков на ходу вырвался из трамвая, повернулся по оси, упал, ушиб колено, поднял кепку и, под носом автомобиля, поспешил в вестибюль.

Покрывая полы мокрыми пятнами, десятки людей шли навстречу Короткову или обгоняли его. Квадратная спина мелькнула на втором марше лестницы, и, задыхаясь, он поспешил за ней. Кальсонер поднимался со странной, неестественной скоростью, и у Короткова сжималось сердце при мысли, что он упустит его. Так и случилось. На пятой площадке, когда делопроизводитель совершенно обессилел, спина растворилась в гуще физиономий, шапок и портфелей. Как молния, Коротков взлетел на площадку и секунду колебался перед дверью, на которой было две

надписи. Одна золотая по зеленому, с твердым знаком: «Дортуарь пепиньерок»⁴, другая черным по белому, без твердого: «Начканцуправделснаб». Наудачу Коротков устремился в эти двери и увидел стеклянные огромные клетки и много белокурых женщин, бегавших между ними. Коротков открыл первую стеклянную перегородку и увидел за нею какого-то человека в синем костюме. Он лежал на столе и весело смеялся в телефон. Во втором отделении на столе было полное собрание сочинений Шеллера-Михайлова⁵, а возле собрания неизвестная пожилая женщина в платке взвешивала на весах сушеную и дурно пахнущую рыбу. В третьем царил дробный непрерывный грохот и звоночки – там за шестью машинами писали и смеялись шесть светлых, мелкозубых женщин. За последней перегородкой открывалось большое пространство с пухлыми колоннами. Невыносимый треск машин стоял в воздухе, и виднелась масса голов, – женских и мужских, но Кальсонеровой среди них не было. Запутавшись и завертевшись, Коротков остановил первую попавшуюся женщину, пробегающую с зеркальцем в руках.

– Не видели ли вы Кальсонера?

Сердце в Короткове упало от радости, когда женщина ответила, сделав огромные глаза:

– Да, но он сейчас уезжает. Догоняйте его.

Коротков побежал через колонный зал туда, куда ему указывала маленькая белая рука с блестящими красными ногтями. Проскакав зал, он очутился на узкой и темноватой площадке и увидел открытую пасть освещенного лифта. Сердце ушло в ноги Короткову, – догнал... пасть принимала квадратную одеяльную спину и черный блестящий портфель.

– Товарищ Кальсонер, – прокричал Коротков и околел. Зеленые круги в большом количестве запрыгали по площадке. Сетка закрыла стеклянную дверь, лифт тронулся, и квадратная спина, повернувшись, превратилась в богатырскую грудь. Все, все узнал Коротков: и серый френч, и кепку, и портфель, и изюминки глаз. Это был Кальсонер, но Кальсонер с длинной ассирийско-гофрированной бородой, ниспадавшей на грудь. В мозгу Короткова немедленно родилась мысль: «Борода выросла, когда он ехал на мотоциклетке и поднимался по лестнице, – что же это такое?» И затем вторая: «Борода фальшивая, – это что же такое?»

А Кальсонер тем временем начал погружаться в сетчатую бездну. Первыми скрылись ноги, затем живот, борода, последними глазки и рот, выкрикнувший нежные теноровые слова:

– Поздно, товарищ, в пятницу.

«Голос тоже привязной», – стукнуло в коротковском черепе. Секунды три мучительно горела голова, но потом, вспомнив, что никакое колдовство не должно останавливать его, что остановка – гибель, Коротков двинулся к лифту. В сетке показалась поднимающаяся на канате кровля. Томная красавица с блестящими камнями в волосах вышла из-за трубы и, нежно коснувшись руки Короткова, спросила его:

– У вас, товарищ, порок сердца⁶?

– Нет, ох, нет, товарищ, – выговорил ошеломленный Коротков и шагнул к сетке, – не задерживайте меня.

– Тогда, товарищ, идите к Ивану Финогеновичу, – сказала печально красавица, преграждая Короткову дорогу к лифту.

– Я не хочу! – плаксиво вскричал Коротков. – Товарищ! Я спешу. Что вы?

Но женщина осталась непреклонной и печальной.

– Ничего не могу сделать, вы сами знаете, – сказала она и придержала за руку Короткова. Лифт остановился, выплюнул человека с портфелем, закрылся сеткой и опять ушел вниз.

– Пустите меня! – визгнул Коротков и, вырвав руку, с проклятием кинулся вниз по лестнице. Пролетев шесть мраморных маршей и чуть не убив высокую перекрестившуюся старуху в наколке, он оказался внизу возле огромной новой стеклянной стены под надписью вверху сереб-

⁴ ...«Дортуарь пепиньерок»... – от *фр.* *dortoir* – спальня для девочек закрытого учебного заведения, и *periniere* – питомник, рассадник.

⁵ ...собрание сочинений Шеллера-Михайлова... – Популярный в 60-80-е гг. XIXв. писатель Александр Константинович Шеллер-Михайлов (1838-1900).

⁶ – У вас, товарищ, порок сердца? – См. рассказ «Москва 20-х годов» (т. 1 наст. изд. С. 341): «Но тогда, в 1922 году, в лифтах могли ездить только лица с пороком сердца».

ром по синему: «Дежурные классные дамы» и внизу пером по бумаге: «Справочное». Темный ужас охватил Короткова. За стеной ясно мелькнул Кальсонер. Кальсонер иссиня бритый, прежний и страшный. Он прошел совсем близко от Короткова, отделенный от него лишь тоненьким слоем стекла. Стараясь ни о чем не думать, Коротков кинулся к блестящей медной ручке и потряс ее, но она не подалась.

Скрипнув зубами, он еще раз рванул сияющую медь и тут только в отчаянии разглядел крохотную надпись: «Кругом, через 6-й подъезд».

Кальсонер мелькнул и сгинул в черной нише за стеклом.

– Где шестой? Где шестой? – слабо крикнул он кому-то. Прохожие шарахнулись. Маленькая боковая дверь открылась, и из нее вышел люстриновый старичок в синих очках с огромным списком в руках. Глянув на Короткова поверх очков, он улыбнулся, пожевал губами.

– Что? Все ходите? – зашамкал он. – Ей-богу, напрасно. Вы уж послушайте меня, старичка, бросьте. Все равно я вас уже вычеркнул. Хи-хи.

– Откуда вычеркнули? – остолбенел Коротков.

– Хи. Известно откуда, из списков. Карандашиком – чирк, и готово – хи-кхи, – старичок сладострастно засмеялся.

– Поз... вольте... Откуда же вы меня знаете?

– Хи. Шутник вы, Василий Павлович.

– Я – Варфоломей, – сказал Коротков и потрогал рукой свой холодный и скользкий лоб, – Петрович.

Улыбка на минуту покинула лицо страшного старичка.

Он уставился в лист и сухим пальчиком с длинным когтем провел по строчкам.

– Что ж вы путаете меня? Вот он – Колобков В. П.

– Я – Коротков, – нетерпеливо крикнул Коротков.

– Я и говорю: Колобков, – обиделся старичок. – А вот и Кальсонер. Оба вместе переведены, а на место Кальсонера – Чекушин.

– Что?.. – не помня себя от радости, крикнул Коротков. – Кальсонера выкинули?

– Точно так-с. День всего успел поуправлять, и вышибли.

– Боже! – ликуя, воскликнул Коротков. – Я спасен! Я спасен! – и, не помня себя, он сжал костлявую когтистую руку старичка. Тот улыбнулся. На миг радость Короткова померкла. Что-то странное, зловещее мелькнуло в синих глазных дырках старика. Странна показалась и улыбка, обнажавшая сизые десны. Но тотчас же Коротков отогнал от себя неприятное чувство и засуетился.

– Стало быть, мне сейчас в Спимат нужно бежать?

– Обязательно, – подтвердил старичок, – тут и сказано – в Спимат. Только позвольте вашу книжечку, я пометочку в ней сделаю карандашиком.

Коротков тотчас полез в карман, побледнел, полез в другой, еще пуще побледнел, хлопнул себя по карманам брюк и с заглушенным воплем бросился обратно по лестнице, глядя себе под ноги. Сталкиваясь с людьми, отчаянный Коротков взлетел до самого верха, хотел увидеть красавицу с камнями, у нее что-то спросить, и увидал, что красавица превратилась в уродливого, сопливого мальчишку.

– Голубчик! – бросился к нему Коротков. – Бумажник мой, желтый...

– Неправда это, – злобно ответил мальчишка, – не брал я, врут они.

– Да нет, милый, я не то... не ты... документы.

Мальчишка посмотрел исподлобья и вдруг заревел басом.

– Ах, Боже мой! – в отчаянии вскричал Коротков и понесся вниз к старичку.

Но, когда он прибежал, старичка уже не было. Он исчез. Коротков кинулся к маленькой двери, рванул ручку. Она оказалась запертой. В полутьме пахло чуть-чуть серой.

Мысли закрутились в голове Короткова метелью, и выпрыгнула одна новая: «Трамвай!» Он ясно вдруг вспомнил, как жали его на площадке двое молодых людей, один из них худенький с черными, словно приклеенными, усиками.

– Ах, беда-то, вот уж беда, – бормотал Коротков, – это уж всем бедам беда.

Он выбежал на улицу, пробежал ее до конца, свернул в переулок и очутился у подъезда небольшого здания неприятной архитектуры. Серый человек, косой и мрачный, глядя не на Короткова, а куда-то в сторону, спросил:

– Куда ты лезешь?
– Я, товарищ, Коротков, Вэ Пэ, у которого только что украли документы... Все до единого... Меня забрать могут...
– И очень просто, – подтвердил человек ка крыльце.
– Так вот позвольте...
– Пушай Коротков самолично и придет.
– Так я же, товарищ, Коротков.
– Удостоверение дай.
– Украли его у меня только что, – застонал Коротков, – украли, товарищ, молодой человек с усиками.
– С усиками? Это, стало быть, Колобков. Беспременно он. Он в нашем районе специально работает. Ты его теперь по чайным ищи.
– Товарищ, я не могу, – заплакал Коротков, – мне в Спимат нужно, к Кальсонеру. Пустите меня.
– Удостоверение дай, что украли.
– От кого?
– От домового.
Коротков покинул крыльцо и побежал по улице.
«В Спимат или к домовому? – подумал он. – У домового прием с утра; в Спимат, стало быть».
В это мгновение часы далеко пробили четыре раза на рыжей башне, и тотчас из всех дверей побежали люди с портфелями. Наступили сумерки, и редкий мокрый снег пошел с неба.
«Поздно, – подумал Коротков, – домой».

VI. ПЕРВАЯ НОЧЬ

В ушке замка торчала белая записка. В сумерках Коротков прочитал ее.

«Дорогой сосед!

Я уезжаю к маме в Звенигород. Оставляю вам в подарок вино. Пейте на здоровье, его никто не хочет покупать. Они в углу.
Ваша *А. Пайкова*»

Косо улыбнувшись, Коротков прогремел замком, в двадцать рейсов перетащил к себе в комнату все бутылки, стоящие в углу коридора, зажег лампу и, как был, в кепке и пальто, повалился на кровать. Как зачарованный, около получаса он смотрел на портрет Кромвеля⁷, растворяющийся в густых сумерках, потом вскочил и внезапно впал в какой-то припадок буйного характера. Сорвав кепку, он швырнул ее в угол, одним взмахом сбросил на пол пачки со спичками и начал топтать их ногами.

– Вот! Вот! Вот! – провыл Коротков и с хрустом давил чертовы коробки, смутно мечтая, что он давит голову Кальсонера.

При воспоминании об яйцевидной голове появилась вдруг мысль о лице бритом и борода-том, и тут Коротков остановился.

– Позвольте... как же это так?.. – прошептал он и провел рукой по глазам. – Это что же? Чего же это я стою и занимаюсь пустяками, когда все это ужасно. Ведь не двойной же он, в самом деле?

Страх пополз через черные окна в комнату, и Коротков, стараясь не глядеть в них, закрыл их шторами. Но от этого не полегчало. Двойное лицо, то обрастая бородой, то внезапно обриваясь, выплывало по временам из углов, сверкая зеленоватыми глазами. Наконец Коротков не вы-

⁷...смотрел на портрет Кромвеля... – Кромвель Оливер (1599-1658) – вождь английской буржуазной революции, а затем жестокий диктатор, сосредоточивший в своих руках всю власть.

держал и, чувствуя, что мозг его хочет треснуть от напряжения, тихонечко заплакал.

Наплакавшись и получив облегчение, он поел вчерашней скользкой картошки, потом опять, вернувшись к проклятой загадке, немного поплакал.

– Позвольте... – вдруг пробормотал он, – чего же это я плачу, когда у меня есть вино?

Он залпом выпил пол чайного стакана. Сладкая жидкость подействовала через пять минут, – мучительно заболел левый висок, и жгуче и тошно захотелось пить. Выпив три стакана воды, Коротков от боли в виске совершенно забыл Кальсонера, со стоном содрал с себя верхнюю одежду и, томно закатывая глаза, повалился на постель. «Пирамидону бы...» – шептал он долго, пока мутный сон не сжалился над ним.

VII. ОРГАН И КОТ

В десять часов утра следующего дня Коротков наскоро вскипятил чай, отпил без аппетита четверть стакана и, чувствуя, что предстоит трудный, хлопотливый день, покинул свою комнату и перебежал в тумане через мокрый асфальтовый двор. На двери флигеля было написано: «Домовой». Рука Короткова уже протянулась к кнопке, как глаза его прочитали: «По случаю смерти свидетельства не выдаются».

– Ах ты, Господи, – досадливо воскликнул Коротков, – что же это за неудачи на каждом шагу. – И добавил: – Ну, тогда с документами потом, а сейчас в Спимат. Надо разузнать, как и что. Может, Чекушин уже вернулся.

Пешком, так как деньги все были украдены, Коротков добрался до Спимата и, пройдя вестибюль, прямо направил свои стопы в канцелярию. На пороге канцелярии он приостановился и приоткрыл рот. Ни одного знакомого лица в хрустальном зале не было. Ни Дрозда, ни Анны Еврафовны, словом – никого. За столами, напоминая уже не ворон на проволоке, а трех соколов Алексея Михайловича⁸, сидели три совершенно одинаковых бритых блондина в светло-серых клетчатых костюмах и одна молодая женщина с мечтательными глазами и бриллиантовыми серьгами в ушах. Молодые люди не обратили на Короткова никакого внимания и продолжали скрипеть в гроссбухах, а женщина сделала Короткову глазки. Когда же он в ответ на это растерянно улыбнулся, та надменно улыбнулась и отвернулась. «Странно», – подумал Коротков и, запнувшись о порог, вышел из канцелярии. У двери в свою комнату он поколебался, вздохнул, глядя на старую милую надпись: «Делопроизводитель», открыл дверь и вошел. Свет немедленно померк в коротковских глазах, и пол легонечко качнулся под ногами. За коротковским столом, растопырив локти и бешено строча пером, сидел своей собственной персоной Кальсонер. Гофрированные блестящие волосы закрывали его грудь. Дыхание перехватило у Короткова, пока он глядел на лакированную лысину над зеленым сукном. Кальсонер первый нарушил молчание.

– Что вам угодно, товарищ? – вежливо проворковал он фальцетом.

Коротков судорожно облизнул губы, набрал в узкую грудь большой куб воздуха и сказал чуть слышно:

– Кхм... я, товарищ, здешний делопроизводитель... То есть... ну да, ежели помните приказ...

Изумление изменило резко верхнюю часть лица Кальсонера. Светлые его брови поднялись, и лоб превратился в гармонику.

– Извиняюсь, – вежливо ответил он, – здешний делопроизводитель – я.

Временная немота поразила Короткова. Когда же она прошла, он сказал такие слова:

– А как же? Вчера, то есть. Ах, ну да. Извините, пожалуйста. Впрочем, я спутал. Пожалуйста.

Он задом вышел из комнаты и в коридоре сказал себе хрипло:

– Коротков, припомни-ка, какое сегодня число?

И сам же себе ответил:

– Вторник, то есть пятница. Тысяча девятьсот.

Он повернулся, и тотчас перед ним вспыхнули на человеческом шаре слоновой кости две коридорных лампочки, и бритое лицо Кальсонера заслонило весь мир.

⁸...напоминая... трех соколов Алексея Михайловича... – Ср. с текстом романа «Белая гвардия»: «...потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича» (т. 2 наст. изд.).

– Хорошо! – грохнул таз, и судорога свела Короткова. – Я жду вас. Отлично. Рад познакомиться.

С этими словами он пододвинулся к Короткову и так пожал ему руку, что тот встал на одну ногу, словно аист на крыше.

– Штат я разверстал, – быстро, отрывисто и веско заговорил Кальсонер. – Трое там, – он указал на дверь в канцелярию, – и, конечно, Манечка. Вы – мой помощник. Кальсонер – дело-производитель. Прежних всех в шею. И идиота Пантелеймона также. У меня есть сведения, что он был лакеем в «Альпийской розе». Я сейчас сбегая в отдел, а вы пока напишите с Кальсонером отношение насчет всех и в особенности насчет этого, как его... Короткова. Кстати: вы немного похожи на этого мерзавца. Только у того глаз подбитый.

– Я. Нет, – сказал Коротков, качаясь и с отвисшей челюстью, – я не мерзавец. У меня украли все документы. До единого.

– Все? – выкрикнул Кальсонер. – Вздор. Тем лучше.

Он впился в руку тяжело задышавшего Короткова и, пробежав по коридору, втащил его в заветный кабинет и бросил на пухлый кожаный стул, а сам уселся за стол. Коротков, все еще чувствуя странное колебание пола под ногами, съезжился и, закрыв глаза, забормотал: «Двадцатое было понедельник, значит, вторник, двадцать первое. Нет. Что я? Двадцать первый год. Исходящий № 0,15, место для подписи, тире, Варфоломей Коротков. Это значит я. Вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник. И понедельник на Пэ, и пятница на Пэ, а воскресенье... вскрсс... на Эс, как и среда...»

Кальсонер с треском расчеркнулся на бумаге, хлопнул по ней печатью и ткнул ему. В это мгновение яростно зазвонил телефон. Кальсонер ухватился за трубку и заорал в нее:

– Ага! Так. Так. Сию минуту приеду.

Он кинулся к вешалке, сорвал с нее фуражку, прикрыл ею лысину и исчез в дверях с прощальными словами:

– Ждите меня у Кальсонера.

Все решительно помутилось в глазах Короткова, когда он прочел написанное на бумажке со штампом:

«Предъявитель сего суть действительно мой помощник т. Василий Павлович Колобков, что действительно верно. *Кальсонер*».

– О-о! – простонал Коротков, роняя на пол бумагу и фуражку. – Что же это такое делается?

В эту же минуту дверь спела визгливо, и Кальсонер вернулся в своей бороде.

– Кальсонер уже удрал? – тоненько и ласково спросил он у Короткова.

Свет кругом потух.

– А-а-а-а... – взвыл, не вытерпев пытки, Коротков и, не помня себя, подскочил к Кальсонеру, оскалив зубы. Ужас изобразился на лице Кальсонера до того, что оно сразу пожелтело. Задом навалившись на дверь, он с грохотом отпер ее, провалился в коридор, не удержавшись, сел на корточки, но тотчас выпрямился и бросился бежать с криком:

– Курьер! Курьер! На помощь!

– Стойте. Стойте. Я вас прошу, товарищ... – опомнившись, выкрикнул Коротков и бросился вслед.

Что-то загремело в канцелярии, и соколы вскочили, как по команде. Мечтательные глаза женщины взметнулись у машины.

– Будут стрелять. Будут стрелять! – пронесся ее истерический крик.

Кальсонер выскочил в вестибюль на площадку с органом первым, секунду поколебался, куда бежать, рванулся и, круто срезав угол, исчез за органом. Коротков бросился за ним, поскользнулся и, наверно, разбил бы себе голову о перила, если бы не огромная кривая и черная ручка, торчащая из желтого бока. Она подхватила полу коротковского пальто, гнилой шевиот с тихим писксом расплзся, и Коротков мягко сел на холодный пол. Дверь бокового хода за органом со звоном захлопнулась за Кальсонером.

– Боже... – начал Коротков и не кончил.

В грандиозном ящике с запыленными медными трубами послышался странный звук, как будто лопнул стакан, затем пыльное, утробное ворчание, странный хроматический писк и удар колоколов. Потом звучный мажорный аккорд, бодрящая полнокровная струя, и весь желтый трехъярусный ящик заиграл, пересыпая внутри залежи застоявшегося звука:

Шумел, гремел пожар московский⁹...

В черном квадрате двери внезапно появилось бледное лицо Пантелеймона. Миг, и с ним произошла метаморфоза. Глазки его засверкали победным блеском, он вытянулся, хлестнул правой рукой через левую, как будто перекинул невидимую салфетку, сорвался с места и боком, ко-со, как пристяжная, покати́л по лестнице, округлив руки так, словно в них был поднос с чашками.

Ды-ым расстилался по реке-е.

– Что я наделал? – ужаснулся Коротков.

Машина, провернув первые застоявшиеся волны, пошла ровно, тысячеголовым, львиным ревом и звоном наполняя пустынные залы Спимата.

А на стенах ворот кремлевских..

Сквозь вой и грохот и колокола прорвался сигнал автомобиля, и тотчас Кальсонер возвратился через главный вход, – Кальсонер бритый, мстительный и грозный. В зловещем синеватом сиянии он плавно стал подниматься по лестнице. Волосы зашевелились на Короткове, и, взвизгнув, он через боковые двери по кривой лестнице за органом выбежал на усеянный щебнем двор, а затем на улицу. Как на угонке полетел он по улице, слушая, как вслед ему глухо рокотало здание «Альпийской розы»:

Стоял он в сером сюртуке...

На углу извозчик, взмахивая кнутом, бешено рвал клячу с места.

– Господи! Господи! – бурно зарыдал Коротков. – Опять он! Да что же это?

Кальсонер бородатый вырос из мостовой возле пролетки, вскочил в нее и начал лупить извозчика в спину, приговаривая тоненьким голосом:

– Гони! Гони, негодяй!

Кляча рванула, стала лягать ногами, затем, под жгучими ударами кнута, понеслась, наполнив экипажным грохотом улицу. Сквозь бурные слезы Коротков видел, как лакированная шляпа слетела у извозчика, а из-под нее разлетелись в разные стороны выющиеся денежные бумажки. Мальчишки со свистом погнались за ними. Извозчик, обернувшись, в отчаянии натянул вожжи, но Кальсонер бешено начал тузить его в спину с воплем:

– Езжай! Езжай! Я заплачу.

Извозчик, выкрикнув отчаянно:

– Эх, ваше здоровье, погибать, что ли? – пустил клячу карьером, и все исчезло за углом.

Рыдая, Коротков глянул на серое небо, быстро несущееся над головой, пошатался и закричал болезненно:

– Довольно. Я так не оставляю! Я его разъясню. – Он прыгнул и прицепился к дуге трамвая. Дуга пошатала его минут пять и сбросила у девятиэтажного зеленого здания. Вбежав в вестибюль, Коротков просунул голову в четырехугольное отверстие в деревянной загородке и спросил

⁹ *Шумел, гремел пожар московский...* – песня-романс Н. С. Соколова.

у громадного синего чайника:

– Где бюро претензий, товарищ?

– 8-й этаж, 9-й коридор, квартира 41-я, комната 302, – ответил чайник женским голосом.

– 8-й, 9-й, 41-я, триста... триста... сколько бишь... 302, – бормотал Коротков, взбегая по широкой лестнице. – 8-й, 9-й, 8-й, стоп, 40... нет, 42... нет, 302, – мычал он, – ах, Боже, забыл... да, 40-я, сороковая...

В восьмом этаже он миновал три двери, увидел на четвертой черную цифру «40» и вошел в необъятный двухсветный зал с колоннами. В углах его лежали катушки рулонной бумаги, и весь пол был усеян исписанными бумажными обрывками. В отдалении маячил столик с машинкой, и золотистая женщина, тихо мурлыча песенку, подперев щеку кулаком, сидела за ним. Растерянно оглянувшись, Коротков увидел, как с эстрады за колоннами сошла, тяжело ступая, массивная фигура мужчины в белом кунтуше. Седоватые отвисшие усы виднелись на его мраморном лице. Мужчина, улыбаясь необыкновенно вежливой, безжизненной гипсовой улыбкой, подошел к Короткову, нежно пожал ему руку и молвил, щелкнув каблуками:

– Ян Собесский¹⁰.

– Не может быть... – ответил пораженный Коротков.

Мужчина приятно улыбнулся.

– Представьте, многие изумляются, – заговорил он с неправильными ударениями, – но вы не подумайте, товарищ, что я имею что-либо общее с этим бандитом. О, нет. Горькое совпадение, больше ничего. Я уже подал заявление об утверждении моей новой фамилии – Соцвосский. Это гораздо красивее и не так опасно. Впрочем, если вам неприятно, – мужчина обидчиво скривил рот, – я не навязываюсь. Мы всегда найдем людей. Нас ищут.

– Помилуйте, что вы, – болезненно выкрикнул Коротков, чувствуя, что и тут начинается что-то странное, как и везде. Он оглянулся травленным взором, боясь, что откуда-нибудь вынырнет бритый лик и лысина-скорлупа, а потом добавил суконным языком: – Я очень рад, да, очень...

Пестрый румянец чуть проступил на мраморном человеке; нежно пожимая руку Короткова, он повлек его к столику, приговаривая:

– И я очень рад. Но вот беда, вообразите: мне даже негде вас посадить. Нас держат в загоне, несмотря на все наше значение (мужчина махнул рукой на катушки бумаги). Интриги... Но-о, мы развернемся, не беспокойтесь... Гм... Чем же вы порадуете нас новеньким? – ласково спросил он у бледного Короткова. – Ах, да, виноват, виноват тысячу раз, позвольте вас познакомиться, – он изящно махнул белой рукой в сторону машинки. – Генриетта Потаповна Персимфанс¹¹.

Женщина тотчас же пожала холодной рукой руку Короткова и посмотрела на него томно.

– Итак, – сладко продолжал хозяин, – чем же вы нас порадуете? Фельетон? Очерки? – закатив белые глаза, протянул он. – Вы не можете себе представить, до чего они нужны нам.

«Царица небесная... что это такое?» – туманно подумал Коротков, потом заговорил, судорожно переводя дух.

– У меня... э... произошло ужасное. Он... Я не понимаю. Вы не подумайте, ради Бога, что это галлюцинации... Кхм... ха-кха... (Коротков попытался искусственно засмеяться, но это не вышло у него.) Он живой. Уверяю вас... но я ничего не пойму, то с бородой, а через минуту без бороды. Я прямо не понимаю... И голос меняет... кроме того, у меня украли все документы до единого, а домовый, как на грех, умер. Этот Кальсонер...

– Так я и знал, – вскричал хозяин, – это они?

– Ах, Боже мой, ну, конечно, – отозвалась женщина, – ах, эти ужасные Кальсонеры.

– Вы знаете, – перебил хозяин взволнованно, – я из-за него сижу на полу. Вот-с, полюбуйтесь. Ну, что он понимает в журналистике?.. – хозяин ухватил Короткова за пуговицу. – Будьте добры, скажите, что он понимает? Два дня он пробыл здесь и совершенно меня замучил. Но,

¹⁰ – Ян Собесский. – Обыгрывается имя польского короля Яна Собеского (1629-1696) с бессмертным «собесом». Подразумевается же журналист Август Потоцкий, бывший польский граф, ставший большевиком.

¹¹ – Генриетта Потаповна Персимфанс. – Ироническое сочетание европейского имени с русским отчеством и фамилией, означавшей: Первый симфонический ансамбль (без дирижера).

представьте, счастье. Я ездил к Федору Васильевичу, и тот наконец убрал его. Я поставил вопрос остро: я или он. Его перевели в какой-то Спимат или, черт его знает, еще куда. Пусть воняет там этими спичками! Но мебель, мебель он успел передать в это проклятое бюро. Всю. Не угодно ли? На чем я, позвольте узнать, буду писать? На чем будете писать вы? Ибо я не сомневаюсь, что вы будете наш, дорогой (хозяин обнял Короткова). Прекрасную атласную мебель Луи Каторз¹² этот прохвост безответственным приемом спихнул в это дурацкое бюро, которое завтра все равно закроют к чертовой матери.

– Какое бюро? – глухо спросил Коротков.

– Ах, да эти претензии или как их там, – с досадой сказал хозяин.

– Как? – крикнул Коротков. – Как? Где оно?

– Там, – изумленно ответил хозяин и ткнул рукой в пол.

Коротков в последний раз окинул безумными глазами белый кунтуш и через минуту оказался в коридоре. Подумав немного, он полетел налево, ища лестницы вниз. Минут пять он бежал, следуя прихотливым изгибам коридора, и через пять минут оказался у того места, откуда выбежал. Дверь № 40.

– Ах, черт! – ахнул Коротков, потоптался и побежал вправо и через пять минут опять был там же. № 40. Рванув дверь, Коротков вбежал в зал и убедился, что тот опустел. Лишь машинка безмолвно улыбалась белыми зубами на столе. Коротков подбежал к колоннаде и тут увидел хозяина. Тот стоял на пьедестале уже без улыбки, с обиженным лицом.

– Извините, что я не попрощался... – начал было Коротков и смолк. Хозяин стоял без уха и носа, и левая рука у него была отломлена. Пятясь и холодея, Коротков выбежал опять в коридор. Незаметная потайная дверь напротив вдруг открылась, и из нее вышла сморщенная коричневая баба с пустыми ведрами на коромысле.

– Баба! Баба! – тревожно закричал Коротков. – Где бюро?

– Не знаю, батюшка, не знаю, кормилец, – ответила баба, – да ты не бегай, миленький, все одно не найдешь. Разве мыслимо – десять этажей.

– У-у... д-дура, – стиснув зубы, рыкнул Коротков и бросился в дверь. Она захлопнулась за ним, и Коротков оказался в тупом полутемном пространстве без выхода. Бросаясь в стены и царапаясь, как засыпанный в шахте, он наконец навалился на белое пятно, и оно выпустило его на какую-то лестницу. Дробно стуча, он побежал вниз. Шаги послышались ему навстречу снизу. Тоскливое беспокойство сжало сердце Короткова, и он стал останавливаться. Еще миг – и показалась блестящая фуражка, мелькнуло серое одеяло и длинная борода. Коротков качнулся и вцепился в перила руками. Одновременно скрестились взоры, и оба завyli тонкими голосами страха и боли. Коротков задом стал отступать вверх, Кальсонер попятился вниз, полный неизбывного ужаса.

– Пойдите, – прохрипел Коротков, – минутку... вы только объясните...

– Спасите! – заревел Кальсонер, меняя тонкий голос на первый свой медный бас. Оступившись, он с громом упал вниз затылком. Удар не прошел ему даром. Обернувшись в черного кота с фосфорными глазами, он вылетел обратно, стремительно и бархатно пересек площадку, сжался в комок и, прыгнув на подоконник, исчез в разбитом стекле и паутине. Белая пелена на миг заволочла коротковский мозг, но тотчас свалилась, и наступило необыкновенное прояснение.

– Теперь все понятно, – прошептал Коротков и тихонько рассмеялся, – ага, понял. Вон оно что. Коты! Все понятно. Коты.

Он начал смеяться все громче, громче, пока вся лестница не наполнилась гулкими раскатами.

VIII. ВТОРАЯ НОЧЬ

В сумерки товарищ Коротков, сидя на байковой кровати, выпил три бутылки вина, чтобы все забыть и успокоиться. Голова теперь у него болела вся: правый и левый висок, затылок и даже веки. Легкая муть поднималась со дна желудка, ходила внутри волнами, и два раза тов. Ко-

¹² Прекрасную атласную мебель Луи Каторз... – французская мебель в стиле эпохи Людовика XIV.

роткова рвало в таз.

– Я вот так сделаю, – слабо шептал Коротков, свесив вниз голову, – завтра я постараюсь не встречаться с ним. Но так как он вертится всюду, то я пережду. Пережду: в переулочке или тупичке. Он себе мимо и пройдет. А если он погонится за мной, я убегу. Он и отстанет. Иди себе, мол, своей дорогой. И я уж больше не хочу в Спимат. Бог с тобой. Служи себе и заведующим, и делопроизводителем, и трамвайных денег я не хочу. Обойдусь и без них. Только ты уж меня, пожалуйста, оставь в покое. Кот ты или не кот, с бородой или без бороды, – ты сам по себе, я сам по себе. Я себе другое местечко найду и буду служить тихо и мирно. Ни я никого не трогаю, ни меня никто. И претензий на тебя никаких подавать не буду. Завтра только выправлю себе документы – и шабаш...

В отдалении глухо начали бить часы... Бам... бам... «Это у Пеструхиных», – подумал Коротков и стал считать. Десять... одиннадцать... полночь, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... сорок...

– Сорок раз пробили часики, – горько усмехнулся Коротков, а потом опять заплакал. Потом его опять судорожно и тяжело стошнило церковным вином.

– Крепкое, ох, крепкое вино, – выговорил Коротков и со стоном откинулся на подушку. Прошло часа два, и непотушенная лампа освещала бледное лицо на подушке и растрепанные волосы.

IX. МАШИНАЯ ЖУТЬ

Осенний день встретил тов. Короткова расплывчато и странно. Боязливо озираясь на лестнице, он взобрался на восьмой этаж, повернул наобум направо и радостно вздрогнул. Нарисованная рука указывала ему на надпись: «Комнаты 302-349». Следуя пальцу спасительной руки, он добрался до двери с надписью: «302 – бюро претензий». Осторожно заглянув в нее, чтобы не столкнуться с кем не надо, Коротков вошел и очутился перед семью женщинами за машинками. Поколебавшись немного, он подошел к крайней – смуглой и матовой, поклонился и хотел что-то сказать, но брюнетка вдруг перебила его. Взоры всех женщин устремились на Короткова.

– Выйдем в коридор, – резко сказала матовая и судорожно поправила прическу.

«Боже мой, опять, опять что-то...» – тоскливо мелькнуло в голове Короткова. Тяжело вздохнув, он повиновался. Шесть оставшихся взволнованно зашушукали вслед.

Брюнетка вывела Короткова и в полутьме пустого коридора сказала:

– Вы ужасны... Из-за вас я не спала всю ночь и решилась. Будь по-вашему. Я отдамся вам.

Коротков посмотрел на смуглое с огромными глазами лицо, от которого пахло ландышем, издал какой-то гортанный звук и ничего не сказал. Брюнетка закинула голову, страдальчески оскалила зубы, схватила руки Короткова, притянула его к себе и зашептала:

– Что ж ты молчишь, соблазнитель? Ты покори меня своею храбростью, мой змий. Целуй же меня, целуй скорее, пока нет никого из контрольной комиссии.

Опять странный звук вылетел изо рта Короткова. Он пошатнулся, ощутил на своих губах что-то сладкое и мягкое, и огромные зрачки оказались у самых глаз Короткова.

– Я отдамся тебе... – шепнуло у самого рта Короткова.

– Мне не надо, – сипло ответил он, – у меня украли документы.

– Тэк-с, – вдруг раздалось сзади.

Коротков обернулся и увидел люстринового старичка.

– А-ах! – вскрикнула брюнетка и, закрыв лицо руками, убежала в дверь.

– Хи, – сказал старичок, – здорово. Куда ни придешь, вы, господин Колобков. Ну, и хват же вы. Да что там, целуй не целуй, не выцелуете командировку. Мне, старичку, дали, мне и ехать. Вот что-с.

С этими словами он показал Короткову сухенький маленький шиш.

– А заявленьице я на вас подам, – злобно продолжал люстрин, – да-с. Растлили трех в главном отделе, теперь, стало быть, до подотделов добираетесь? Что их ангелочки теперь плачут, это вам все равно? Горюют они теперь, бедные девочки, да ау, поздно-с. Не воротишь девичьей чести. Не воротишь.

Старичок вытащил большой носовой платок с оранжевыми букетами, заплакал и засморкался.

– Из рук старичка подъемные крохи желаете выдрать, господин Колобков? Что ж... – Старичок затрясся и зарыдал, уронил портфель. – Берите, кушайте. Пушай беспартийный, сочувствующий старичок с голоду помирает... Пушай, мол. Туда ему и дорога, старой собаке. Ну, только помните, господин Колобков, – голос старичка стал пророчески грозным и налился колоколами, – не пойдут они вам впрок, денежки эти сатанинские. Колом в горле они у вас станут, – и старичок разлился в буйных рыданиях.

Истерика овладела Коротковым; внезапно и неожиданно для самого себя он дробно затопал ногами.

– К чертовой матери! – тонко закричал он, и его больной голос разнесся по сводам. – Я не Колобков. Отлезь от меня! Не Колобков. Не еду! Не еду!

Он начал рвать на себе воротничок.

Старичок мгновенно высох, от ужаса задрожал.

– Следующий! – каркнула дверь. Коротков смолк и кинулся в нее, свернул влево, миновав машинки, и очутился перед рослым, изящным блондином в синем костюме. Блондин кивнул Короткову головой и сказал:

– Покороче, товарищ. Разом. В два счета. Полтава или Иркутск?

– Документы украли, – дико озираясь, ответил растерзанный Коротков, – и кот появился. Не имеет права. Я никогда в жизни не дрался, это спички. Преследовать не имеет права. Я не посмотрю, что он Кальсонер. У меня украли до...

– Ну, это вздор, – ответил синий, – обмундирование дадим, и рубахи, и простыни. Если в Иркутск, так даже и полушубок подержанный. Короче.

Он музыкально звякнул ключом в замке, выдвинул ящик и, заглянув в него, приветливо сказал:

– Пожалте, Сергей Николаевич.

И тотчас из ясеневового ящика выглянула причесанная, светлая, как лен, голова и синие бегающие глаза. За ними изогнулась, как змеиная, шея, хрустнул крахмальный воротничок, показался пиджак, руки, брюки, и через секунду законченный секретарь, с писком: «Доброе утро», вылез на красное сукно. Он встряхнулся, как выкупавшийся пес, соскочил, заправил поглубже манжеты, вынул из карманчика патентованное перо и в ту же минуту застрочил.

Коротков отшатнулся, протянул руку и жалобно сказал синему:

– Смотрите, смотрите, он вылез из стола. Что же это такое?..

– Естественно, вылез, – ответил синий, – не лежать же ему весь день. Пора. Время. Хронометраж.

– Но как? Как? – зазвенел Коротков.

– Ах ты, Господи, – взволновался синий, – не задерживайте, товарищ.

Брюнеткина голова вынырнула из двери и крикнула возбужденно и радостно:

– Я уже заслала его документы в Полтаву. И я еду с ним. У меня тетка в Полтаве под 43 градусом широты и 5-м долготы.

– Ну и чудесно, – ответил блондин, – а то мне надоела эта волянка.

– Я не хочу! – вскричал Коротков, блуждая взором. – Она будет мне отдаваться, а я терпеть этого не могу. Не хочу! Верните документы. Священную мою фамилию. Восстановите!

– Товарищ, это в отделе брачующихся, – запищал секретарь, – мы ничего не можем сделать.

– О, дурашка! – воскликнула брюнетка, выглянув опять. – Соглашайся! Соглашайся! – кричала она суфлерским шепотом. Голова ее то скрывалась, то появлялась.

– Товарищ! – зарыдал Коротков, размазывая по лицу слезы. – Товарищ! Умоляю тебя, дай документы. Будь другом. Будь, прошу тебя всеми фибрами души, и я уйду в монастырь.

– Товарищ! Без истерики. Конкретно и абстрактно изложите письменно и устно, срочно и секретно – Полтава или Иркутск? Не отнимайте время у занятого человека! По коридорам не ходить! Не плевать! Не курить! Разменом денег не затруднять! – выйдя из себя загремел блондин.

– Рукопожатия отменяются! – кукарекнул секретарь.

– Да здравствуют объятия! – страстно шепнула брюнетка и, как дуновение, пронеслась по комнате, обдав ландышем шею Короткова.

– Сказано в заповеди тринадцатой: не входи без доклада к ближнему твоему, – прошамкал люстриновый и пролетел по воздуху, взмахивая лапами крылатки... – Я и не вхожу, не вхожу-с, –

а бумажку все-таки подброшу, вот так, хлоп!.. подпишешь любую – и на скамье подсудимых. – Он выкинул из широкого черного рукава пачку белых листов, и они разлетелись и усеяли столы, как чайки скалы на берегу.

Муть заходила в комнате, и окна стали качаться.

– Товарищ блондин, – плакал истомленный Коротков, – застрели ты меня на месте, но выправь ты мне какой ни на есть документик. Руку я тебе поцелую.

В мути блондин стал пухнуть и вырастать, не переставая ни на минуту бешено подписывать старичковы листки и швырять их секретарю, который ловил их с радостным урчаньем.

– Черт с ним! – загремел блондин. – Черт с ним. Машинистки, гей!

Он махнул огромной рукой, стена перед глазами Короткова распалась, и тридцать машин на столах, звякнув звоночками, заиграли фокстрот. Колыша бедрами, сладострастно поводя плечами, взбрасывая кремовыми ногами белую пену, парадом-алле двинулись тридцать женщин и пошли вокруг столов.

Белые змеи бумаги полезли в пасти машин, стали свиваться, раскраиваться, сшиваться. Вылезли белые брюки с фиолетовыми лампасами. «Предъявитель сего есть действительно предъявитель, а не какая-нибудь шантрапа».

– Надевай! – грохнул блондин в тумане.

– И-и-и-и, – тоненько заскулил Коротков и стал биться головой об угол блондинова стола. Голове полегчало на минутку, и чье-то лицо в слезах метнулось перед Коротковым.

– Валерьянки! – крикнул кто-то на потолке.

Крылатка, как черная птица, закрыла свет, старичок зашептал тревожно:

– Теперь одно спасенье – к Дыркину в пятое отделение. Ходу! Ходу!

Запахло эфиром, потом руки нежно вынесли Короткова в полутемный коридор. Крылатка обняла Короткова и повлекла, шепча и хихикая:

– Ну, я уж им удружил: такое подсыпал на столы, что каждому из них достанется не меньше пяти лет с поражением на поле сражения. Ходу! Ходу!

Крылатка порхнула в сторону, потянуло ветром и сыростью из сетки, уходящей в пропасть.

Х. СТРАШНЫЙ ДЫРКИН

Зеркальная кабина стала падать вниз, и двое Коротковых упали вниз. Второго Короткова первый и главный забыл в зеркале кабины и вышел один в прохладный вестибюль. Очень толстый и розовый в цилиндре встретил Короткова словами:

– И чудесно. Вот я вас и арестую.

– Меня нельзя арестовать, – ответил Коротков и засмеялся сатанинским смехом, – потому что я неизвестно кто. Кончено. Ни арестовать, ни женить меня нельзя. А в Полтаву я не поеду.

Толстый человек задрожал в ужасе, поглядел в зрачки Короткову и стал оседать назад.

– Арестуй-ка, – пискнул Коротков и показал толстяку дрожащий бледный язык, пахнувший валерьянкой, – как ты арестуешь, ежели вместо документов – фи́га? Может быть, я Гогенцоллерн¹³.

– Господи Иисусе, – сказал толстяк, трясущейся рукой перекрестился и превратился из розового в желтого.

– Кальсонер не попадался? – отрывисто спросил Коротков и оглянулся. – Отвечай, толстун.

– Никак нет, – ответил толстяк, меняя желтую окраску на серенькую.

– Как же теперь быть? А?

– К Дыркину, не иначе, – пролепетал толстяк, – к нему самое лучшее. Только грозен. Ух, грозен! И не подходи. Двое уж от него сверху вылетели. Телефон сломал нынче.

– Ладно, – ответил Коротков и залихватски сплюнул, – нам теперь все равно. Подымай!

– Ножку не ушибите, товарищ уполномоченный, – нежно сказал толстяк, подсаживая Короткова в лифт.

¹³ *Может быть, я Гогенцоллерн.* – Гогенцоллерны – знаменитая немецкая династия, существовавшая с XV в. Наиболее яркие ее представители – Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II. Эта династия имела свои ответвления – румынскую, русскую и т. д.

На верхней площадке попался маленький лет шестнадцати и страшно закричал:

– Куда ты? Стой!

– Не бей, дяденька, – сказал толстяк, съездившись и закрыв голову руками, – к самому Дыркину.

– Проходи, – крикнул маленький.

Толстяк зашептал:

– Вы уж идите, ваше сиятельство, а я здесь на скамеечке вас подожду. Больно жутко...

Коротков попал в темную переднюю, а из нее в пустынный зал, в котором был распростерт голубой вытертый ковер.

Перед дверью с надписью «Дыркин» Коротков немного поколебался, но потом вошел и оказался в уютно обставленном кабинете с огромным малиновым столом и часами на стене. Маленький пухлый Дыркин вскочил на пружине из-за стола и, вздыбив усы, рывкнул:

– М-молчать!.. – хоть Коротков еще ровно ничего не сказал.

В ту же минуту в кабинете появился бледный юноша с портфелем. Лицо Дыркина мгновенно покрылось улыбковыми морщинами.

– А-а! – вскричал он сладко. – Артур Артурыч. Наше вам.

– Слушай, Дыркин, – заговорил юноша металлическим голосом, – ты написал Пузыреву, что будто бы я учредил в эмеритурной кассе¹⁴ свою единоличную диктатуру и попер эмеритурные майские деньги? Ты? Отвечай, паршивая сволочь.

– Я?.. – забормотал Дыркин, колдовски превращаясь из грозного Дыркина в Дыркина добряка. – Я, Артур Диктатурыч... Я, конечно... Вы это напрасно...

– Ах ты, мерзавец, мерзавец, – раздельно сказал юноша, покачал головой и, взмахнув портфелем, треснул им Дыркина по уху, словно блин выложил на тарелку.

Коротков машинально охнул и застыл.

– То же будет и тебе, и всякому негодяю, который позволит себе совать нос в мои дела, – внушительно сказал юноша и, погрозив на прощание Короткову красным кулаком, вышел.

Минуты две в кабинете стояло молчание, и лишь подвески на канделябрах звякали от проехавшего где-то грузовика.

– Вот, молодой человек, – горько усмехнувшись, сказал добрый и униженный Дыркин, – вот и награда за усердие. Ночей недосыпаешь, недоедаешь, недопиваешь, а результат всегда один – по морде. Может быть, и вы с тем же пришли? Что ж... Бейте Дыркина, бейте. Морда у него, видно, казенная. Может быть, вам рукой больно? Так вы канделябрик возьмите.

И Дыркин соблазнительно выставил пухлые щеки из-за письменного стола. Ничего не понимая, Коротков косо и застенчиво улыбнулся, взял канделябр за ножку и с хрустом ударил Дыркина по голове свечами. Из носа у того закапала на сукно кровь, и он, крикнув «караул», убежал через внутреннюю дверь.

– Ку-ку! – радостно крикнула лесная кукушка и выскочила из нюрнбергского разрисованного домика на стене.

– Ку-клукс-клан!¹⁵ – закричала она и превратилась в лысую голову. – Запишем, как вы работников лупите!

Ярость овладела Коротковым. Он взмахнул канделябром и ударил им в часы. Они ответили громом и брызгами золотых стрелок. Кальсонер выскочил из часов, превратился в белого петушка с надписью «исходящий» и юркнул в дверь. Тотчас за внутренними дверями разлился вопль Дыркина: «Лови его, разбойника!» – и тяжкие шаги людей полетели со всех сторон. Коротков повернулся и бросился бежать.

ХІ. ПАРФОРСНОЕ КИНО¹⁶ И БЕЗДНА

¹⁴ ...в эмеритурной кассе... – Эмеритура (от лат. *emeritus* – заслуженный) – единовременные денежные пособия государственным служащим из средств кассы, накопленных от отчислений из зарплаты самих служащих.

¹⁵ Ку-клукс-клан!.. – реакционная организация в США, созданная в 1865 г. якобы для защиты чистоты белой расы.

¹⁶ Парфорсное кино... – Парфорсное – от фр. *parforce* – с применением силы. Взято из охотничьей терминологии и означает «гон», погоню. В 1931 г. в письме Сталину Булгаков писал: «Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе».

С площадки толстяк скакнул в кабину, забросился сетками и ухнул вниз, а по огромной, изгрызенной лестнице побежали в таком порядке: первым – черный цилиндр толстяка, за ним – белый исходящий петух, за петухом – канделябр, пролетевший в верхушке над острой белой головкой, затем Коротков, шестнадцатилетний с револьвером в руке и еще какие-то люди, топочущие подкованными сапогами. Лестница застонала бронзовым звоном, и тревожно захлопали двери на площадках.

Кто-то свесился с верхнего этажа вниз и крикнул в рупор:

– Какая секция переезжает? Несгораемую кассу забыли!

Женский голос внизу ответил:

– Бандиты!!

В огромные двери на улицу Коротков, обогнав цилиндр и канделябр, выскочил первым и, заглотав огромную порцию раскаленного воздуха, полетел на улицу. Белый петушок провалился сквозь землю, оставив серный запах, черная крылатка соткалась из воздуха¹⁷ и поплелась рядом с Коротковым с криком тонким и протяжным:

– Артельщиков бьют, товарищи!

По пути Короткова прохожие сворачивали в стороны и вползали в подворотни, вспыхивали и гасли короткие свистки. Кто-то бешено порскал, улюлюкал, и загорались тревожные, сильные крики: «Держи!» С дробным грохотом опускались железные шторы, и какой-то хромой, сидя на трамвайной линии, визжал:

– Началось!

Выстрелы летели теперь за Коротковым частые, веселые, как елочные хлопушки, и пули жикали то сбоку, то сверху. Рычащий, как кузнечный мех, Коротков стремился к гиганту – одиннадцатизэтажному зданию, выходящему боком на улицу и фасадом в тесный переулок. На самом углу стеклянная вывеска с надписью «Restoran i pivo» треснула звездой, и пожилой извозчик пересел с козел на мостовую с томным выражением лица и словами:

– Здорово! Что же вы, братцы, в кого попало, стало быть?..

Выбежавший из переулочка человек сделал попытку ухватить Короткова за полу пиджака, и пола осталась у него в руках. Коротков завернул за угол, пролетел несколько саженей и вбежал в зеркальное пространство вестибюля. Мальчик в галунах и золоченых пуговках отскочил от лифта и заплакал.

– Садись, дядя. Садись! – проревел он. – Только не бей сироту!

Коротков вонзился в коробку лифта, сел на зеленый диван напротив другого Короткова и задышал, как рыба на песке. Мальчишка, всхлипывая, влез за ним, закрыл дверь, ухватился за веревку, и лифт поехал вверх. И тотчас внизу, в вестибюле, загремели выстрелы и завертели стеклянные двери.

Лифт мягко и тошно шел вверх, мальчишка, успокоившись, утирал нос одной рукой, а другой перебирал веревку.

– Деньги покрал, дяденька? – с любопытством спросил он, всматриваясь в растерзанного Короткова.

– Кальсонера... атакуем... – задыхаясь, отвечал Коротков, – да он в наступление перешел...

– Тебе, дяденька, лучше всего на самый верх, где бильярдные, – посоветовал мальчишка, – там на крыше отсидишься, если с маузером.

– Давай наверх... – согласился Коротков.

Через минуту лифт плавно остановился, мальчишка распахнул двери и, шмыгнув носом, сказал:

– Вылазь, дяденька, сыпь на крышу.

Коротков выпрыгнул, осмотрелся и прислушался. Снизу донесся нарастающий, поднимающийся гул, сбоку – стук костяных шаров через стеклянную перегородку, за которой мелькали встревоженные лица. Мальчишка шмыгнув в лифт, заперся и провалился вниз.

¹⁷...черная крылатка соткалась из воздуха... – Ср. с текстом «Мастера и Маргариты» (гл. I): «И тут знойный воздух сгустился над ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида».

Орлиным взором окинув позицию, Коротков поколебался мгновение и с боевым кличем «вперед!» вбежал в бильярдную. Замелькали зеленые площадки с лоснящимися белыми шарами и бледные лица. Снизу совсем близко бухнул в оглушительном эхо выстрел, и со звоном где-то посыпались стекла. словно по сигналу, игроки побросали кии и гуськом, топоча, кинулись в боковые двери. Коротков, мотнувшись, запер за ними дверь на крюк, с треском запер входную стеклянную дверь, ведущую с лестницы в бильярдную, и вмиг вооружился шарами. Прошло несколько секунд, и возле лифта выросла первая голова за стеклом. Шар вылетел из рук Короткова, со свистом прошел через стекло, и голова мгновенно исчезла. На ее месте сверкнул бледный огонь и выросла вторая голова, за ней – третья. Шары полетели один за другим, и стекла полопались в перегородке. Перекатывающийся стук покрыл лестницу, и в ответ ему, как оглушительная зингеровская швейка, завыл и затряс все здание пулемет. Стекла и рамы вырезало в верхней части, как ножом, и тучей пудры понеслась штукатурка по всей бильярдной.

Коротков понял, что позицию удержать нельзя. Разбежавшись, закрыв голову руками, он ударил ногами в третью стеклянную стену, за которой начиналась плоская асфальтированная кровля громады. Стена треснула и высыпалась. Коротков под бушующим огнем успел выкинуть на крышу пять пирамид, и они разбежались по асфальту, как отрубленные головы. Вслед за ними выскочил Коротков, и очень вовремя, потому что пулемет взял ниже и вырезал всю нижнюю часть рамы.

– Сдавайся! – смутно донеслось до него.

Перед Коротковым сразу открылось худосочное солнце над самой головой, бледненькое небо, ветерок и промерзший асфальт. Снизу и снаружи город дал знать тревожным, смягченным гулом. Попрыгав на асфальте и оглянувшись, подхватив три шара, Коротков подскочил к парапету, влез на него и глянул вниз. Сердце его замерло. Открылись перед ним кровли домов, казавшихся приплюснутыми и маленькими, площадь, по которой ползали трамваи, и жучки-народ, и тотчас Коротков разглядел серенькие фигурки, проплывавшие к подъезду по щели переулка, а за ними тяжелую игрушку, усеянную золотыми сияющими головками.

– Окружили! – ахнул Коротков. – Пожарные.

Перегнувшись через парапет, он прицелился и пустил один за другим три шара. Они взвились, затем, описав дугу, ухнули вниз. Коротков подхватил еще одну тройку, опять влез и, размахнувшись, выпустил и их. Шары сверкнули, как серебряные, потом, снизившись, превратились в черные, потом опять засверкали и исчезли. Короткову показалось, что жучки забегали встревоженно на залитой солнцем площади. Коротков наклонился, чтобы подхватить еще порцию снарядов, но не успел. С несмолкающим хрустом и треском стекол в проломе бильярдной показались люди. Они сыпались как горох, выскакивая на крышу. Вылетели серые фуражки, серые шинели, а через верхнее стекло, не касаясь земли, вылетел люстриновый старичок. Затем стена совсем распалась, и грозно выкатился на роликах страшный бритый Кальсонер со старинным мушкетером в руках.

– Сдавайся! – завыло спереди, сзади и сверху, и все покрыл невыносимый, оглушающий кастрюльный бас.

– Кончено, – слабо прокричал Коротков, – кончено. Бой проигран. Та-та-та! – запел он губами трубный отбой.

Отвага смерти хлынула ему в душу. Цепляясь и балансируя, Коротков взобрался на столб парапета, покачнулся на нем, вытянулся во весь рост и крикнул:

– Лучше смерть, чем позор!

Преследователи были в двух шагах. Уже Коротков видел протянутые руки, уже выскочило пламя изо рта Кальсонера. Солнечная бездна поманила Короткова так, что у него захватило дух. С пронзительным победным кликом он подпрыгнул и взлетел вверх. Вмиг перерезало ему дыхание. Неясно, очень неясно он видел, как серое с черными дырами, как от взрыва, взлетело мимо него вверх. Затем очень ясно увидел, что серое упало вниз, а сам он поднялся вверх к узкой щели переулка, которая оказалась над ним. Затем кровавое солнце со звоном лопнуло у него в голове, и больше он ровно ничего не видал.

Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя

Впервые – альманах «Недра» (1924. Кн. 4). Затем – в сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М.: Недра, 1925; то же, 1926; в сб.: *Булгаков М. Роковые яйца*. Рига, 1928.

Печатается по сб.: *Булгаков М. Дьяволиада*. М., 1926.

Об истории написания повести сохранилось немного материалов, но они все-таки есть.

31 августа 1923 г. в письме Ю. Л. Слезкину Булгаков сообщал: «„Дьяволиаду“ я кончил, но вряд ли она где-нибудь пройдет. Лежнев отказался ее взять». 9 сентября Булгаков записывает в дневнике: «Сегодня опять я ездил к Толстому на дачу и читал у него свой рассказ „Дьяволиада“. Он хвалил, берет этот рассказ в Петербург и хочет пристроить его в журнал „Звезда“ со своим предисловием. Но меня-то самого рассказ не удовлетворяет».

Пока не найдены сведения, объясняющие ненапечатание повести в «Звезде», не исключено, что Булгаков еще раньше договорился о выпуске этого сочинения в «Недрах» Н. С. Ангарского. Об этом косвенно свидетельствует записка (к сожалению, не датированная) Булгакова к сестре Н. А. Земской: «...я продал в „Недра“ рассказ „Дьяволиада“...» (по мнению Н. А. Земской, записка была написана летом 1923 г.). 19 октября 1923 г. писатель делает короткую запись в дневнике: «Жду ответа из „Недр“ насчет „Дьяволиады“». А через неделю, 26 октября, Булгаков эту запись детализирует: «По дороге из „Гудка“ заходил в „Недра“ к П. Н. Зайцеву. Повесть моя „Дьяволиада“ принята, но не дают больше чем 50 руб. за лист. И денег не будет раньше следующей недели. Повесть дурацкая, ни к черту не годная. Но Вересаеву (он один из редакторов „Недр“) очень понравилась».

Эта запись весьма характерна, ибо она указывает на высокую требовательность автора к своим произведениям. Последующие записи в дневнике также представляют немалый интерес. 27 октября: «Сейчас смотрел... гарнитур мебели... Решили с Тасей купить, если согласятся отсрочить платеж до следующей недели. Завтра это выяснится. Иду на риск – на следующей неделе в „Недрах“ должны уплатить за „Дьяволиаду“». 29 октября: «...Андрей [Земский]. Он читал мою „Дьяволиаду“. Говорил, что у меня новый жанр и редкая стремительная фабула». 25 февраля 1924 г.: «Сегодня вечером получил от Петра Никаноровича свежий номер „Недра“. В нем моя повесть „Дьяволиада“».

В архиве писателя сохранился оттиск из «Недр» с дарственной надписью Булгакова своей машинистке И. С. Раабен: «Ирине Сергеевне Раабен в память нашей совместной кропотливой работы за машинкой».

Откликов на повесть было немного, но они были весьма примечательны. Евгений Замятин в целом одобрительно высказался о повести Булгакова («У автора, несомненно, есть верный инстинкт в выборе композиционной установки: фантастика, корнями врастающая в быт, быстрая, как в кино, смена картин...»), а главное – увидел в нем растущий талант («...от автора, по-видимому, можно ждать хороших работ») (*Русский современник*. 1924. Кн. 2. С. 264-266). В дневниковой записи от 23 августа 1924 г. сохранилось несколько слов о «Дьяволиаде»: «Олеша показал мне рецензии в „Звезде“. Сказано: „написано с большим юмором (это по поводу „Дьяволиады“)“...» (далее обрыв текста. – *В. Л.*). В рецензии (*Звезда*. 1924. №3. С. 111) отмечалось: «И совсем устаревшей по теме (сатира на советскую канцелярию) является „Дьяволиада“ М. Булгакова, повесть-гротеск, правда, написанная живо и с большим юмором».

В поле зрения критиков «Дьяволиада» попала значительно позже, когда вышли в свет «Белая гвардия», «Роковые яйца», сборники рассказов и повестей писателя. «Дьяволиада» уже стала рассматриваться в контексте всего творчества Булгакова (см. об этом: *Булгаков М. А. Собр. соч.*: В 5 т. М., 1989. Т. 2. С. 664-667).